

Научная статья

УДК_323.226

DOI 10.52070/2500-347X_2022_2_847_69

Саботаж, сетевые сплетни и скрытые угрозы: как политизируется протест против мер по борьбе с коронавирусом в России

И. С. Стакхеев

Томский государственный университет, факультет исторических и политических наук, Томск, Россия

Санкт-Петербургский национальный исследовательский университет информационных технологий, механики

и оптики, Санкт-Петербург, Россия

staheev@gmail.com

Аннотация. Рассматривается феномен дискурсивного сопротивления российской государственной политики вакцинации со стороны граждан, объединившихся на этой почве в неформальные группы и сформировавших политический протестный дискурс в социальных медиа.

Ключевые слова: дискурсивные практики, инфраполитика, оружие слабых, понятие политического

Для цитирования: Стакхеев И. С. Саботаж, сетевые сплетни и скрытые угрозы: как политизируется протест против мер по борьбе с коронавирусом в России // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2022. Вып. 2(847). С. 69–74.
DOI 10.52070/2500-347X_2022_2_847_69

Original article

Sabotage, Online Gossip, and Hidden Threats: How the Protest Against Coronavirus Measures is Politized in Russia

Ilya S. Stakheeve

Tomsk State University, Faculty of Historical and Political Sciences, Tomsk, Russia

ITMO University, Saint Petersburg, Russia

staheev@gmail.com

Abstract. Analysis of the phenomenon of discursive resistance to the Russian vaccination state policy by citizens who united on this basis into informal groups and formed a political protest discourse in social media.

Keywords: discursive practices, infrapolitics, weapon of the weak, the political

For citation: Stakheeve, I. (2022). Sabotage, online gossip and hidden threats: how protests against coronavirus measures is politicized in Russia. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 2(847), 69–74. 10.52070/2500-347X_2022_2_847_69

ВВЕДЕНИЕ

Упорство жителей России, которые не хотят вакцинироваться в условиях эпидемии Covid-19 и критической избыточной смертности, ставит в тупик публицистов, ученых и государственных менеджеров. Даже по официальным данным Министерства здравоохранения РФ, по состоянию на октябрь 2021 г. привилось лишь 43 млн человек¹, что не составляет половины взрослого населения. Более того, в процессе введения новых государственных мер стимулирования вакцинации в стране выработались ответные меры сопротивления со стороны определенной части жителей страны, которых в медиа называют «антиваксеры».

Любопытно уже то, что во многих других вопросах мнения этих людей могут быть диаметрально противоположны, однако тема скепсиса относительно вакцинации смогла дать им общую платформу для объединения и организации. Еще более любопытен и показателен сетевой характер этого объединения: в нем нет четко выраженного организационного ядра, ни одна из медиа-площадок, которые представляют их взгляды, не является доминирующей, а «лидеры мнений», которые также транслируют подобные взгляды, скорее не ведут за собой, а сами следуют за дискурсом.

Мы не будем касаться глобальной проблемы недоверия власти и представителей российского общества, а также реальных причин этого социального, а потенциально – и политического сопротивления. Цель нашей работы – предложить объяснение того, каким образом произошло объединение жителей России в сеть сопротивления государственным мерам, показать, какие дискурсивные практики сопротивления были выработаны, какие смыслы в них были представлены и почему это явление уже можно назвать политической протестной коммуникацией. Для этого мы рассмотрим дискурсивные практики в рамках теоретических концепций «оружия слабых» и «инфраполитики» Джеймса Скотта, а также обратимся к дискурс-анализу Мишеля Фуко.

ИНФРАПОЛИТИКА И «ОРУЖИЕ СЛАБЫХ»: БОРЬБА ЗА ДИСКУРС

Американский антрополог Джеймс Скотт в своих исследованиях того, каким образом сельское население Юго-Восточной Азии взаимодействует с властями, продемонстрировал, как «оружие слабых» работает в этом регионе [Scott, 2009]. Каким

образом, по Скотту, работает власть? Прежде всего она реализуется на трех уровнях господства: материальном, статусном и идеологическом. На уровне материального господства власть осуществляется через налоги, а также возможное изъятие ресурсов и использование труда. На статусном уровне власть выстраивает практики дискриминации и унижения, закрепляя за собой существенно больший объем прав. На идеологическом – происходит дискурсивное закрепление нормальности такой ситуации через различные институты.

Кроме того, Скотт разделяет общество на «сильные» и «слабые» группы [Scott, 1984]: тех, у кого власть, и тех, кто считает, что обделен властью. В условиях явного доминирования у «сильных» есть все средства для сохранения своего главенствующего положения: законодательное присутствие для статусного господства, силовые средства для материального господства, институциональные возможности для идеологии – на этом моменте важно заострить внимание. Власть всегда будет пытаться контролировать публичный дискурс. Она производит свою собственную символическую систему различий, которая состоит как из буквальных смыслов, так и респектабельных намеков – всё это составляет дискурсивную гегемонию, или, как сказал бы другой важный исследователь дискурса Мишель Фуко – дисциплинарный контроль. «Дисциплина – это принцип контроля над производством дискурса. Она устанавливает для него границы благодаря игре идентичности, формой которой является постоянная реактуализация правил» [Foucault, 1971].

У «слабых» в такой ситуации есть только два пути – радикальный и скрытый. Радикальный – это восстания, митинги, демонстрации, петиции. Скрытый путь начинается с борьбы на идеологическом, дискурсивном уровне и подразумевает символические формы сопротивления, который он и назвал «оружием слабых»: памфлеты, анекдоты, карикатуры и другие символические формы, при помощи которых происходит отрицание властного дискурса и разрушение дискурсивной гегемонии. Подобного рода проявления протестной контруктуры он называет «скрытые послания» (hidden transcripts) [Scott, 1993].

Скотт также выделяет набор практик, которые получили презентацию в скрытых посланиях – его он и назвал «инфраполитика». Что входит в этот набор практик? Здесь протестующие предлагают свои варианты сопротивления на всех трех уровнях господства: материальному доминированию соответствуют саботаж, мелкое воровство, анонимное сопротивление и избегание сотрудничества, статусному – трансляция агрессии или презрения по отношению

¹ В Минздраве рассказали, сколько россиян привились от COVID-19. URL: https://www.gazeta.ru/social/news/2021/10/14/n_16690069.shtml

к господствующим, идеологическому – появление сюжетов о возмездии, сплетен, слухов и т.д.

Конечно, есть соблазн объяснить существование подобных сюжетов, сплетен и слухов «конспирологическим мышлением», но такой когнитивный стиль объяснения действительности не появляется сам собой. Он – следствие, с одной стороны, недостатка достоверной и последовательной информации по вопросу, с другой – результат неосмотрительного действия властей, привыкших действовать по шаблону и не считаясь с мнением и восприятием рисков новой проблемы, которое возникло у жителей. Генезис конспирологических теорий, касающихся вакцинации, подробно рассмотрен в работе исследовательницы Андреа Китта из Университета Восточной Каролины [Kitta, 2019]. Мы не будем подробно останавливаться на их содержании, лишь констатируем, что возникновение подобных объяснительных моделей – это лишь одна из инфраполитических практик.

То, что в случае ситуации сопротивления государственным мерам по вакцинации от Covid-19 сообщество противников этих мер демонстрирует практики инфраполитики, говорит нам, что это сообщество уже произвело самоидентификацию и определило себя как «слабых». На это есть объективные причины: примеры радикальных форм сопротивления в недавней политической истории России закончились для сопротивляющихся плачевно. Любая организация, любая официальная площадка несут в такой ситуации несоразмерные риски санкций со стороны власти. К тому же, в России подобного рода практики хорошо известны еще со времен ССР – Алексей Юрчак охарактеризовал их «вненаходимость как образ жизни». Уже тогда советский человек находил возможность выстроить свои сети тайного сопротивления действительности: музыкальные тусовки, археологические кружки и т.д. [Юрчак, 2014].

Сейчас же сетевой характер объединения людей для реализации подобных практик продемонстрировал новый уровень развития. Во-первых, это позволяют современные технологии и уровень проникновения Интернета, особенно мобильного, в России. Роль технологий подчеркивает, например, Мануэль Кастельс, противопоставляя сетевую организацию современного общества иерархической. Сеть, по Кастельсу, «представляют собой открытые структуры, которые могут неограниченно расширяться путем включения новых узлов, если те способны к коммуникации» [Кастельс, 1999]. В таких условиях выстроить гегемонию, которая бы охватила все узлы сети, просто невозможно.

Во-вторых, сетевой характер отвечает условиям анонимности скрытых посланий. В-третьих, даже если российским правоохранительным

органам удается кого-то конкретного привлечь к ответственности, это не помогает пресечь распространение в целом в силу самого характера сетевой структуры, ее ризоморфности (по определению Жиля Делеза): «Любая ризома включает в себя линии сегментарности, согласно которым она стратифицирована, территоризована... но также и линии детерриториализации, по которым она непрестанно ускользает» [Делез, Гваттари, 2010, с. 16].

САБОТАЖ, СЛУХИ И МЕМЫ: АРСЕНАЛ «ОРУЖИЯ СЛАБЫХ»

Предложенные Джеймсом Скоттом варианты препрезентации этой протестной коммуникации представлены на всех уровнях сопротивления господству. Если посмотреть на материальный уровень, то в дискурсе противников мер по вакцинации присутствуют рассказы о том, что врачи могут по просьбе тем или иным способом утилизировать ампулы с вакциной, ничего не вкалывать и выписать сертификат – достаточно об этом лишь попросить. Впрочем, это довольно рискованная практика, на которую обратили внимание правоохранительные органы¹.

Гораздо больше распространены «скрытые сообщения» на уровне статусного доминирования. Здесь можно встретить как развитие уже давно известной идеи про «новый мировой порядок» и сопротивление ему, так и выражения недоверия российской власти. Представители российской власти в таких текстах часто представляются как «агенты мировых элит», а сама вакцинация – «зачисткой для золотого миллиарда». Уже выработался целый субкультурный язык, состоящий из аббревиатур и уничижительных иносказательных эпитетов для сторонников вакцинации, самой кампании по вакцинации, названий вакцин: «шмурдяк», «вакциноцид», «ковидиоты», «Бигфарма», «ковид-аусвайс».

Важным маркером того, что этот протест действительно серьезен, по крайней мере, на дискурсивном уровне, является идеологическая идентификация происходящего со Второй мировой войной и воздействие на риторике национальных структур, связанных с этим событием: обозначение мер как фашистских, идентификация QR-кода с аусвайсом, характеристика всего происходящего как «Третьей ментальной войны», воздействие визуальных образов из советской пропаганды времен Второй мировой войны².

¹Десятки сожженных ампул с вакциной от COVID-19 нашли возле российской больницы. URL: <https://lenta.ru/news/2021/08/16/nashli/>

²URL: https://vk.com/wall-91280223_295367

Довольно примечателен факт неконсистентности тех нарративных структур, которые противники вакциональных мер используют: они могут противоречить друг другу содержательно, однако используются наравне друг с другом. В этом, как ни странно, противники государственных мер используют попытки российских властей создать идеологическое наполнение политики из культурно-исторических отсылок к прошлому, в которых, при их дальнейшем развитии, есть явные смысловые конфликты. Например, воззвания к сопротивлению «Новому мировому порядку», за которым стоит «еврейский заговор», вполне могут сосуществовать с отождествлением себя с подвергшимися геноциду евреями в нацистской Германии. Самая заметная публичная акция – это выступление актера Егора Бероева¹, который вышел с нашитой на одежду звездой Давида, эмблемой, которой обозначали евреев в нацистской Германии, однако в сети можно найти сотни мемов с подобной тематикой и задействованием аналогии с Холокостом.

Впрочем, сетевой характер медиаразпространения и быстрое обновление новостей не позволяют этим противоречиям быть как-то обозначенными в качестве проблемы для сопротивления на идеологическом уровне: похоже, в скрытом, «партизанском» применении «оружия слабых» для достижения необходимого эффекта все средства хороши.

ПОЛИТИЗАЦИЯ АНТИВАКЦИОННОГО ДИСКУРСА: ИДЕНТИФИКАЦИЯ СВОИХ ПРАВ ДЛЯ ЗАЩИТЫ И ВРАГОВ ДЛЯ БОРЬБЫ

В последний месяц был зафиксирован всплеск разнородных инцидентов, так или иначе характеризуемых как более явные формы протеста против государственных мер по вакцинации, особенно против введения QR-кодов. Это могли быть обращения в инстаграм-аккаунт губернатора², протесты против дистанционного обучения в школах³, одиночные пикеты⁴. Пока мы видим их только региональных столицах или районных центрах, но это объяснимо тем, что полномочия по введению подобных мер были переданы федеральными властями во введение глав регионов.

¹Бероев надел желтую звезду и сравнилковидные ограничения с Холокостом. URL: https://www.gazeta.ru/culture/news/2021/06/23/n_16144568.shtml

²URL: <https://www.instagram.com/p/CWXH4hhlg80/c/17922888130974944/>

³Еще один город на Среднем Урале выступил против дистанта в школах. URL: <https://fedpress.ru/news/66/incidents/2872904>

⁴Пикеты против обнуления сроков губернаторов и QR-кодов прошли в Новосибирске. URL: <https://tayga.info/173861>

Тем не менее уже видно, что скрытый протест становится более явным и из социального становится политическим. Джеймс Скотт называется это «сатурнацией моцци» [Scott, 1993]. Он утверждает, что если властям не удается тем или иным способом устранить причину скрытого протesta, практики инфраполитики станут все более явными, а содержание «скрытого послания» будет предъявлено гораздо более публично. Публичность этого предъявления лишь нарастает. Под вопрос властную гегемонию в решении вопросов вакцинации ставят даже структуры, которые всегда вступали с властями в кооперацию, например, православное движение «Сорок сороков»⁵.

Скотт считает рост публичности неповиновения опасным сигналом для власти: «...любой конкретный отказ подчиниться – это не просто крошащая брешь в символической стене; это неизбежно ставит под сомнение все другие действия, которые влечет за собой эта форма подчинения. Почему крепостной, который отказывается кланяться своему господину, должен продолжать поставлять зерно и работать? Единственный недостаток в подчинении может быть исправлен или оправдан с незначительными последствиями для системы господства. Однако единичный акт успешного общественного неподчинения пробивает гладкую поверхность кажущегося согласия, которое само по себе является видимым напоминанием о лежащих в основе властных отношениях» [там же].

Кроме того, в текстах обращений к губернатарам и во многих сообщениях в соцсетях последнего времени мы видим обращение к таким концептам, как гражданские права, конституционные права, свобода выбора, что выводят уровень борьбы за дискурс на новый уровень и сдвигает фокус диантские границы дисциплинированности. Ранее в этом дискурсивном поле доминировало государство, теперь же мы видим то, что Фуко назвал бы социальным присвоением дискурса [Foucault, 1970], когда протестующие присваивают себе право определять, что означают эти слова, отнимают его у группы «сильных». К тому же требования в текстах протестующих становятся более конкретными – кого необходимо уволить, какие законы нужно отменить, какие действия предпринять далее.

И, конечно, главный сигнал политизации проходящего – это идентификация образа врага, разделение на «своих» и «чужих». Согласно Карлу Шмитту, таким образом и производится «политическое»: политика – это не универсум, а поливерсум, и политика происходит лишь там, где есть друзья и враги. Причем, эти враги должны быть таковыми

⁵URL: <https://t.me/sorok40russia/23088>

на экзистенциальном уровне, они должны угрожать существованию твоей группы, «тебе и друзьям». И способность различения врага и действия по отношению к нему – это и есть начало политического [Шмитт, 1992].

Пока мы не можем сказать, что образ врага в дискурсивном поле очерчен ясно – на визуальном уровне это группы «врачи-вакцинаторы», «мировые элиты», «чиновники» и т. д. Однако уже

появляются и персональные упоминания, в частности, директора НИЦЭМ им. Н. Ф. Гамалеи академика Александра Гинзбурга, лидера партии ЛДПР Владимира Жириновского и т. д. Поэтому и по критерию Шмитта политизация протестной повестки противников вакцинации нарастает, что дает нам все основания утверждать, что протестный дискурс противников мер вакцинации вот-вот состоится в качестве политического.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Scott J. C. The art of not being governed: an anarchist history of upland southeast Asia. New Haven: Yale University Press, 2009. P. 9–13.
2. Scott J. C. Weapons of the week: everyday forms of peasant resistance. New Haven: Yale University Press, 1984. P. 183–223.
3. Foucault M. L'Ordre du discours. Lecon inaugurale au College de France prononcee le 2 decembre 1970. Paris: Gallimard, 1971.
4. Scott, J. C. Domination and the art of resistance: hidden transcripts. New Haven: Yale University Press, 1993. P. 202–220.
5. Kitta A. The Kiss of Death: Contamination, Contagion, and Folklore. Logan, Utah: Utah State University Pres. 2019. P. 3–25.
6. Юрчак, А. Это было навсегда, пока не кончилось: последнее советское поколение. М. : Новое литературное обозрение, 2014.
7. Кастель М. Становление общества сетевых структур // Новая постиндустриальная волна на Западе: Антология / под ред. В. Л. Иноземцева. М. : Academia, 1999. С. 494–505.
8. Делез Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения / пер. с франц. и послесл. Я.И.Свирского ; науч. ред. В.Ю.Кузнецова. Екатеринбург ; М. : У-Фактория : Астрель, 2010. С. 14–15.
9. Шмитт К. Понятие политического // Вопросы социологии. 1992. № 1. Т. 1. С. 37–67.

REFERENCES

1. Scott, J. C. (2009). The art of not being governed: an anarchist history of upland southeast Asia (pp. 9–13). New Haven: Yale University Press.
2. Scott, J.C. (1984). Weapons of the week: everyday forms of peasant resistance (pp. 183–223). New Haven: Yale University Press.
3. Foucault, M. (1971). L'Ordre du discours. Lecon inaugurale au College de France prononcee le 2 decembre 1970. Paris: Gallimard.
4. Scott, J. C. (1993). Domination and the art of resistance: hidden transcripts (pp. 202–220). New Haven: Yale University Press.
5. Kitta, A. (2019). The Kiss of Death: Contamination, Contagion, and Folklore (pp. 3–25). Logan, Utah: Utah State University Press.
6. Yurchack, A. (2014). Eto bylo navsegda, poka ne konchilos' = Everything was forever, until it was no more: the last Soviet generation (In-Formation). Moscow: New literary observer. (in Russ.)
7. Castells, M. (1999). Stanovlenie obschestva setevyh struktur = The rise of the network society (pp. 494–505). The information age: economy, society and culture. Moscow: Academia. (in Russ.)
8. Deleuze, G., Guattari F. (2010). Tysyacha platо: capitalism i schizophrenia = A thousand plateaus: capitalism and schizophrenia (pp. 14–15). Moscow. Astrel. (In Russ.)
9. Schmitt, C. (1992). Ponyatie politicheskogo = The concept of the political. Sociology Questions, 1(1), 37–67. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Стажеев Илья Сергеевич

аспирант факультета исторических и политических наук Томского государственного университета, преподаватель Санкт-Петербургского национального исследовательского университета информационных технологий, механики и оптики

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Stakheev Ilya Sergeevich

PhD Student, Faculty of Historical and Political Sciences, Tomsk State University
Lecturer, Institute of International Development and Partnership, Center for Science Communication,
ITMO University (Saint Petersburg)

Статья поступила в редакцию 11.03.2022
одобрена после рецензирования 13.04.2022
принята к публикации 05.05.2022

The article was submitted 11.03.2022
approved after reviewing 13.04.2022
accepted for publication 05.05.2022